

ОДИССЕЙ

2008

Script/Oralia: взаимодействие
устной и письменной традиций

Ночь как объект
исторической науки

Историческая наука
и «порядочные люди»

Карьерные стратегии
монархии Габсбургов

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ,
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А. ЛЕВИНСОН,
С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. :
Наука, 1989 – .

2008 : Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в
Средние века и раннее Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2008. –
483 с. – ISBN 978-5-02-036740-1.

Юбилейный двадцатый выпуск альманаха “Одиссей” открывается разделом, посвященным анализу трансформаций, которые происходят с устной традицией в ситуации конфликта и взаимодействия с традицией письменной, в частности в условиях билингвизма при переводе с одного языка на другой и в эпоху книгопечатания, когда печатное слово начинает проникать в сферу устного и наоборот. Другие разделы сборника посвящены сравнительным исследованиям, истории представлений о времени, социальной истории, проблемам анализа словесных и визуальных образов в культуре. Публикация номера – текст гомилии блаженного Августина на один из стихов 120-го псалма. Традиционно значительное место уделено рецензиям и обзорам новой литературы.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей.

Темплан 2009-И-238

ISBN 978-5-02-036740-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2008
- © Лучицкая С.И., составление, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
SCRIPT/ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ	
<i>С.И. Лучицкая</i> ВВЕДЕНИЕ	7
<i>А.Л. Топорков</i> МАГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРАДИЦИ- ЦИЯХ РОССИИ XVII–XVIII ВВ.	13
<i>С.И. Лучицкая</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В ХРОНИКАХ И CHANSONS DE GESTE ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.	29
<i>О.И. Тогоева</i> “УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2). ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК НА ПРОЦЕССЕ 1431 г.	62
<i>София Менаше</i> УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (перевод с английского С.И. Лучицкой)	81
<i>Мари-Кристин Вароль</i> ТРАДИЦИЯ ТЕКСТОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ В СОВРЕМЕН- НЫХ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (перевод с француз- ского С.И. Лучицкой)	105
<i>А.А. Котомина</i> “ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ	138
<i>М.И. Василенко</i> ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНО- ШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ	155
<i>Г.А. Попова</i> КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕ- ДО? (СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛЕДО XII–XIII ВВ.)	165

<i>С.И. Лучицкая</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
НИВЕРНО-ROSSICA: “ЗНАНИЕ В ОБЛАКАХ” В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ...	182
<i>П.В. Лукин</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ GERMANСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	196

ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

<i>Ален Кабантус</i>	
НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА XVII–XVIII вв.) (<i>перевод с французского И.К. Стаф</i>)	211

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>О.В. Хаванова</i>	
КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ	230

СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ

<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”: АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО	251
<i>И.Г. Галкова</i>	
“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в.	275

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

<i>С.Л. Козлов</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ”	302

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

<i>Питер Бёрк</i>	
“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (<i>перевод с английского К.А. Левинсона</i>)	337

Е.Е. Савицкий

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ПИТЕРА БЁРКА)	355
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Степанцов

“УЖЕ ОСВЕЩЕНЫ ГОРЫ”: ПС 120: 1 У АВГУСТИНА И ЕГО ПРЕД- ШЕСТВЕННИКОВ	367
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Левинсон

ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Nitхаммер Л.</i> Фрагменты немецкой памяти. М. (в печати). Книга погро- мов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова и др. М., 2007	382
---	-----

С.И. Лучицкая

ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes. 2002. Т. 106, N 2	409
--	-----

О.Е. Кошелева

ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

<i>Kivelson V.</i> Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth- Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006	417
---	-----

А.В. Толстиков

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

<i>Lennerstrand M., Oja L.</i> Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häx- processerna 1668–1671. [Hedemora], 2006	430
--	-----

ХРОНИКА

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (К 20-ЛЕТИЮ “ОДИССЕЯ”)	444
---	-----

М.Ю. Парамонова

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА	457
-----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЕЖЕГОДНИКЕ “ОДИССЕЙ” ЗА 1999–2008 ГОДЫ	461
--	-----

SUMMARIES	471
-----------------	-----

IN MEMORIAM

Юрий Павлович МАЛИНИН (1946–2007)	476
---	-----

CONTENTS

To the reader	5
---------------------	---

SCRIPT/ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

S.I. Luchitskaya

INTRODUCTION	7
--------------------	---

A.L. Toporkov

MAGIC TEXTS IN THE 17 TH - AND 18 TH -CENTURY RUSSIAN ORAL AND HANDWRITTEN TRADITION	13
---	----

S.I. Luchitskaya

THE INTERPLAY OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN CHRONICLES AND CHANSONS DE GESTE OF THE FIRST CRUSADE	29
---	----

O.I. Togoeva

'FIDUCIALITER AGAM ET NON TIMEBO' (ISAIAH 12: 2). JOAN OF ARC'S DIRECT SPEECH AT THE 1431 TRIAL	62
--	----

S. Menache

ORALITY IN CHRONICLES: TEXTS AND HISTORICAL CONTEXTS	81
--	----

M.-Chr. Varol

TEXTUAL TRADITION OF ALEXANDER THE GREAT IN MODERN JUDEO-SPANISH PROVERBS	105
--	-----

A.A. Kotomina

THE GOSPELLES OF DYSTAUES: ASSIMILATING NEW KNOW-HOW AND WRITING DOWN POPULAR BELIEFS	138
--	-----

M.I. Vasilenko

THE ORAL AND THE WRITTEN IN TRADITIONAL ARABIC POETRY	155
---	-----

G.A. Popova

WHO SPOKE ARABIC IN CHRISTIAN TOLEDO? (THE USE OF ARABIC IN 12 TH - AND 13 TH -CENTURY TOLEDO)	165
---	-----

S.I. Luchitskaya

CONCLUSION	178
------------------	-----

COMPARATIVE HISTORY

G.V. Bondarenko

HIBERNO-ROSSICA: 'KNOWLEDGE IN THE CLOUDS' IN OLD IRISH AND OLD RUSSIAN MYTHOPOEIC TRADITIONS	182
--	-----

P.V. Lukin

THE OLD RUSSIAN <i>POTOK I RAZGRABLENIE</i> AND ITS GERMANIC PARALLELS	196
--	-----

TIME SECULAR AND SACRED

A. Kabantus

NIGHT AS SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (WESTERN EUROPE, 17 TH –18 TH CENTURIES)	211
--	-----

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CAREER STRATEGIES IN THE 18 TH -CENTURY HABSBERG MONARCHY IN THE MIRROR OF PETITIONS TO THE MONARCH	230
--	-----

WORD AND IMAGE IN CULTURE

O.F. Kudryavtsev

‘IMPRINTED BY SATURN’: MARSILIO FICINO’S ASTRAL MAGIC	251
---	-----

I.G. Galkova

THE ‘AQUITAINIAN HORSEMAN’ AND AQUITAINIAN NOBLES: TOWARDS THE QUESTION OF LAY PATRONAGE OF THE 12 TH -CENTURY CHURCH BUILDING	275
---	-----

HISTORIAN AND TIME

S.L. Kozlov

THE HISTORICAL RESEARCH AND THE <i>HONNÊTES GENS</i> : TOWARDS AN EXPLICATIVE COMMENTARY TO MARC BLOCH’S <i>APOLOGIE POUR L’HISTOIRE</i>	302
--	-----

DISCUSSIONS ON HISTORIOGRAPHY

P. Burke

THE PERFORMATIVE TURN IN RECENT CULTURAL HISTORY	337
--	-----

Ye.Ye. Savitsky

‘THE PERFORMATIVE TURN’ IN HISTORIOGRAPHY: OTHER VERSIONS (A COMMENTARY ON PETER BURKE’S ARTICLE)	355
---	-----

PUBLICATIONS

S.A. Stepantsov

- 'IAM ILLUMINATI SUNT MONTES': PSALM 120: 1 IN AUGUSTIN'S AND HIS PREDECESSORS' WRITINGS 367

BOOK REVIEWS

K.A. Levinson

ORAL HISTORY THE MANIFOLD

- Niethammer L.* Fragmenty nemetskoy pamyati. Moskva (forthcoming); Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Byelorussii i v evropeyskoy chasti Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov / Otv. red. L.B. Milyakova i dr. Moskva, 2007 382

S.I. Luchitskaya

THE PERCEPTION OF NIGHT IN THE MIDDLE AGES

- L'imaginaire de la nuit au Moyen âge / Etudes recueillies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.* 2002. T. 106. N 2 409

O.Ye. Kosheleva

OXEN MEADOWS AND THE VAST TRACTS OF SIBERIA

- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 417

A.V. Tolstikov

LIVING ON IN A RURAL PARISH AFTER THE WITCH HUNT

- Lennerstrand M., Oja L.* Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006 430

CHRONICLE

A.V. Sveshnikov, B.Ye. Stepanov

- TWENTY YEARS AFTER (THE 20TH ANNIVERSARY OF *ODYSSEUS*) 444

M.Yu. Paramonova

- AARON GUREVICH MEMORIAL READINGS 457

- INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN *ODYSSEUS* IN 1999–2008 461

- SUMMARIES 471

IN MEMORIAM

- Yuriy Pavlovich MALININ (1946–2007) 476

“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в.

Аквитанские церкви XII в., как правило, выделяются исследователями романской архитектуры в отдельную группу. Эти памятники, которых немало сохранилось в Западной Франции, на территории бывшего герцогства Аквитания (особенно в Пуату и Сентонже), довольно своеобразны и разительно непохожи на романские церкви других регионов. Здания невелики, среди них много однефных и “зальных” церквей. Небольшой размер и членение стен аркадой делает их похожими на ларцы-реликварии¹. Особенно примечательна организация фасада. Он плоский (так называемый фасад-экран), и его поверхность разделана глухой аркадой в два или в три яруса. Портал не имеет тимпана; входная дверь окружена перспективными архивольтами, они нередко украшены сюжетными рельефами (черта, которую позаимствуют строители готических соборов) (илл. 1). Некоторые из церквей являются настоящими шедеврами скульптуры и архитектуры – таковы Сен-Пьер в Ольнэ, Сен-Пьер в Парте-нэ-ле-Вьё, Нотр-Дам в Пуатье, Сен-Николя в Сиврэ, Сент-Илер в Мелле и др.

Одна из самых примечательных деталей, часто встречающаяся на фасадах таких церквей, – большая фигура всадника, расположенная в одной из арок. Обычно она выполнена в технике высокого рельефа, приближающегося к круглой скульптуре (из-за этого всадники оказались самым уязвимым элементом декора и во многих случаях их изображения полностью или частично утрачены) (илл. 2). По поводу трактовки фигуры всадника выдвигалось множество версий, наиболее устойчивая из которых связывает ее со святым Константином, римским императором, побеждающим язычество². Предполагалось, что прототипом этих изображений послужила римская статуя Марка Аврелия, считавшаяся тогда изображением первого христианского императора Константина³. Существуют и другие версии: в фигурах всадников видели святых-змеборцов, каролингских правителей, Христа-триумфатора, вступающего в Иерусалим⁴, аллегорическую фигуру Добродетели, побеждающей Порок⁵.

На остальной территории Франции (в Бургундии, Иль-де-Франс, Лангедоке, Провансе) в XII в. воплотилась совершенно иная конструктивная модель, характерная в первую очередь для бенедиктинских храмов. Ее центральный элемент – большой портал с тимпаном, где изображен Христос во славе. Несмотря на обилие бенедиктинских (и, в частности, клюнийских) монастырей в Западной

Илл. 1. Нотр-Дам в Сэнт

Илл. 2. Сен-Пьер
в Партенэ-ле-Вьё,
фасад. Левая арка
верхнего яруса

Франции, такая конструкция там совершенно отсутствует⁶, уступая местной модели без тимпана, со скульптурными архивольтами.

Большинство указанных церквей – провинциальные приходские храмы или небольшие приораты. Лишь некоторые из них основаны в XII в., по большей части они существовали ранее, а в XII в. были заново отстроены. Об их истории говорить непросто, поскольку в письменных источниках они почти не упоминаются. Если имеются какие-либо документы, проливающие свет на судьбу храмов, это, как правило, дарственные грамоты. По их данным, почти все церкви до XI в. находились в частном владении у мелких сеньоров – виконтов и местных кастелянов – а в конце XI – начале XII в. были подарены монастырям.

Исследователи не раз задавались вопросом о том, как сложилась самобытная художественная традиция. По одной из версий, ее во многом определил преобладающий тип заказа, где инициатором строительства церкви выступал покровитель-мирянин. Главным элементом, наводящим на такие рассуждения, является фигура всадника.

Так, Ю. Ле Ру предположил, что изображение всадника могло быть опосредованной репрезентацией заказчика-рыцаря⁷. Л. Сейдел, посвятившая свое исследование иконографии аквитанских фасадов, строит рассуждения на основе гипотезы о частном заказе, находя в рельефах церквей мотивы, отсылающие к светской рыцарской культуре и к актуальной в эпоху Крестовых походов идее о немедленном загробном воздаянии в случае мученической смерти. Изображению всадника уделена значительная часть исследования, и, по признанию автора, сама работа началась именно с попытки объяснить его⁸.

Однако эта версия, создающая убедительный фон для понимания специфики церковного декора, довольно уязвима – как можно говорить о влиянии светских патронов, если на момент перестройки упомянутые церкви уже находились в собственности монастырей? Л. Сейдел замечает по поводу этого несоответствия, что связь бывшего владельца с церковью могла сохраняться и после передачи ее монастырю⁹. Но социальный аспект вопроса в ее книге (как и в других работах, сосредоточенных на исследовании скорее самого церковного декора, чем обстоятельств его создания) затронут столь слабо, что критика такой позиции звучит гораздо убедительнее.

Критические замечания высказала, в частности, А. Чериковер в своем исследовании романской скульптуры Аквитании¹⁰. Именно переход из частных рук в ведение монахов обусловил, по ее мнению, массовую реконструкцию храмов. Находясь в собственности мирян, церковь была, как правило, разделена между несколькими владельцами, что затрудняло управление ею в хозяйственном отношении.

Храмы ветшали, и передача в руки церкви спасала их от полного разрушения. Так формулируется причина волны перестроек XII в.

И все же – стоит ли на основании имеющихся данных отбрасывать возможность светского заказа? Ведь если дарственные грамоты и дают какую-то информацию о церквях, то не об обстоятельствах перестройки, а об их юридической принадлежности. Ситуация, в которой создавались данные памятники, остается нам по сути неизвестной, как и мотивы людей, обусловивших их создание. Было ли владение церковью необходимым обстоятельством для возможности ее реконструкции? И если нет – что могло побудить бывшего собственника перестраивать церковь, уже ему не принадлежащую? Чтобы разобраться в этом, попробуем рассмотреть ситуацию частного владения церковью и ее передачи монастырю чуть глубже, проследив позиции официальной церкви и мирянина – собственника церковного здания.

Возможность постройки церкви мирянином оговорена еще в раннехристианских законах. Согласно предписаниям папы Геласия, вопрос о строительстве нового храма и о посвящении его тому или иному святому должен быть согласован заранее не только с епископом, но и с папой¹¹ (что по мере расширения христианизированных территорий становилось все менее возможным). После освящения храм переходил под контроль епископа, назначившего священника (хотя уже тогда в этом вопросе могли учитываться пожелания основателя)¹². Построенное здание рассматривалось как безвозмездный дар Богу и святому, в честь которого оно было освящено. Кроме того, основатель должен был дополнить этот дар “приданым” (*dos*)¹³, обычно в виде земельного надела, выделяемого церкви из собственных владений. Церковь была (или должна была быть, поскольку речь идет об идеальной ситуации) самостоятельной хозяйственной единицей, где церковные сборы и доходы с прилежащих земель обеспечивали жизнь священника и позволяли ему ремонтировать по необходимости церковное здание.

Трудно сказать, насколько эта идеальная схема соответствовала действительности, но если это имело место, то, по всей видимости, недолго: иная ситуация, где церковь в хозяйственном отношении не выходила из-под контроля своего основателя, отмечена церковным законодательством уже в VI–VII вв.¹⁴ В документах VIII–IX вв. светский основатель (или его наследник) стал называться владельцем церкви, имея право на присвоение церковного дохода, которое он мог отчуждать, как право на любую другую собственность¹⁵. На то имелись серьезные основания: в эпоху набегов защита со стороны мирян и, как следствие, подчинение им было для церквей единственным шансом на выживание. Поддержание здания церкви в порядке и назначение священника теперь входили в область полномочий вла-

дельца-мирянина. Однако церковное законодательство предпочитало оговаривать это как возможность, которой благочестивый христианин мог воспользоваться при небрежении епископа¹⁶.

Вообще, хотя право собственности и было признано официально, память об изначальном, “правильном” положении вещей сохранялась в формулировках церковных документов: светский владелец представлял в них скорее “смотрителем” при церкви и ее землях, чем ее хозяином¹⁷, а сама церковь и все прилежащее к ней описывалось как принадлежность святого¹⁸. Продажа или дарение касались прав на доходы церкви, но не подразумевали ее передачу как материального объекта. Это особенно очевидно в случаях частичного дарения, когда передаваемая собственником часть описывается как перечень отчуждаемых прав¹⁹. Нигде в церковных документах не говорится о принадлежности здания церкви собственнику-мирянину или о его праве этим зданием распоряжаться. Будучи построенным, храм отчуждался при освящении: с этого момента он принадлежал святому и никому более. Передача прав на доход церковным институтам восстанавливала чистоту экономической ситуации, когда церковные деньги возвращались церкви (теперь в лице монастыря-патрона), в отношении же к зданию перемен не происходило.

Таким образом, с точки зрения церкви мирянину было естественно заботиться о здании основанного им (или его предками) храма и перестраивать его, но не по праву собственника (ибо здание не было его собственностью), а по долгу благочестивого верующего и защитника церкви. Отказ от прав на доход не лишал его обязанностей христианина – значит, возможность перестройки церкви как богоугодного деяния сохранялась за ним и после передачи ее монастырю.

Однако реальность, которую регламентировали церковные нормы, была сложнее. Право частной церкви возникло “снизу”, исподволь и было официально признано лишь по необходимости. Сам факт, что законодательству пришлось идти на уступки, учитывая действительное отношение светских основателей к построенным ими церквям, говорит о том, что бытовавшая в массах традиция опиралась на иную логику, с которой требовалось достичь компромисса. Что это была за логика, и что в действительности могло заставить мирян уделять деятельное внимание зданию церкви, формально им не принадлежащему? Не берусь обсуждать вопрос о благочестии, но думается, что кроме него важную, если не решающую роль здесь играло сложившееся внутри средневековой культуры отношение к собственности.

Прежде всего, четкое разделение на право пользования доходами и действительную принадлежность культового здания, присутствующее в церковной документации, вряд ли делалось самим владельцем; однако его отношение к собственности имело свои особенности.

Средневековые представления о собственности во многом восходили к дохристианским ментальным установкам, где вещь, принадлежащая человеку, могла наделяться сакральным смыслом, как бы материализуя невидимые, неуловимые составляющие его жизни (удача, власть, связь с родом и т.д.)²⁰. Такая слабая расчлененность сакрального и профанного, сохраняясь и в христианскую эпоху, должна была немало способствовать процессу “присвоения” церковью теми, кто их строил. Это своего рода рефлекс глубинной установки сознания, проявившийся в новых условиях: если собственность имела сакральное значение, то и наоборот, область сакрального могла быть осмыслена в категориях собственности.

Владение церковью было тесно связано с владением землей (церковь не могла существовать без “приданого”). Землевладению в дохристианскую эпоху особый смысл придавало то, что в наследной земле находились могилы предков – так члены рода сливались с ней в буквальном смысле, и естественным было стремление еще живущих его членов упокоиться когда-нибудь в ней же²¹. По христианской же традиции верующий должен был упокоиться в освященной земле, т.е. в церкви или поблизости от нее, однако на деле верность прежнему обычаю долго сохранялась и после христианизации²². Частные церкви нередко строились с расчетом на то, чтобы принять впоследствии прах своего основателя. Такой выход не просто позволял удовлетворить обоим условиям сразу, он комбинировал два варианта сакральности: открытое соблюдение христианской нормы и стремление остаться после смерти в своей земле. На церкви как бы сосредоточивалась сакральная составляющая отношения к земле. Здесь должна была проявляться глубинная связь человека с землей и с родом, особенно если церковь служила семейной усыпальницей. В основе отношения мирянина-основателя к “своей” церкви, видимо, лежало не только религиозное чувство, но и родовое сознание, и эмоционально-личностное восприятие собственности, которое могло проецироваться только на реально существующий объект.

Принципиальным качеством собственности для средневекового владельца была возможность ее отчуждения²³. Именно в результате отчуждения (продажи, дарения) она обретала истинный смысл, способствуя установлению связей между людьми и материализуя установленные отношения, становясь видимым напоминанием о них. Подаренная вещь была залогом установленного контакта и в этом качестве не теряла связи с предыдущим владельцем. Строительство церкви, вне зависимости от дальнейшего распределения ее доходов, осмысливалось основателем как дар²⁴. Здание церкви, используемое для богослужений, а не для личных нужд собственника, уже в ходе церемонии освящения “передавалось” святому²⁵. Кроме того, церковь не могла быть освящена без “приданого”, которое основатель

выделял из своих владений. Весь этот комплекс (церковь и прилежащие к ней угодья), оставаясь в экономическом смысле в ведении собственника, в то же время был отчужден – он являлся даром святому, обеспечивая его покровительство основателю церкви и членам его семейства. В такой ситуации поновление здания являлось не столько заботой о собственности, сколько актуализацией дара, имеющей целью восстановить личный контакт со святым. Если при этом церковь служила местом захоронения предков, ремонт и украшение здания возобновляли контакт не только со святым, но и с умершими членами рода.

Передача церкви монастырю была еще одним способом актуализации дара (и возможностью заручиться поддержкой еще одного святого – того, которому посвящен монастырь). Сам акт передачи нередко растягивался на несколько десятилетий, в течение которых права на церковь дарились частями; после полной передачи они нередко оспаривались или самовольно захватывались бывшими собственниками²⁶. Массовость этого явления такова, что вряд ли его стоит относить только на счет злонамеренности или забывчивости отдельных дарителей. Скорее всего, дело в том, что в глазах собственника передача церкви монастырю не меняла ее статуса: при отказе от прав на доход церковь обновлялась как дар (поэтому важно было растянуть передачу на много этапов, долго сохранявших церковь в этой ипостаси), а в эмоциональном плане продолжала осмысливаться как “своя”²⁷, что нередко провоцировало и обратный захват экономических прав.

Таким образом, связь бывшего владельца с церковью не пропала после отчуждения прав на нее – церковь оставалась личным даром светских патронов Богу и святому, а во многих случаях и семейным некрополем. В русле этой логики поновление церкви бывшим собственником выглядит вполне естественным жестом, будучи еще одной возможностью актуализации дара.

В конце XI – XII в. на волне грегорианской реформы монастырям было передано такое количество храмов, что контроль и уход за ними должен был стать для духовных лиц довольно тяжким бременем – если эта забота не разделялась кем-то еще. Между тем именно в XII в. было капитально перестроено множество церквей. Учитывая существовавшее право патроната (пришедшее на смену праву собственности) и личные стимулы бывших владельцев, вариант перестройки церкви по воле и на средства патрона-мирянина представляется самым естественным выходом для обеих сторон.

Собственно говоря, довольно условные формулировки о реконструкции храма монастырем вовсе не исключают возможности того, что он был перестроен при участии светских лиц. Насколько можно судить по скудным сообщениям источников, сеньоры Пуату и окре-

стностей для перестройки своих храмов обращались скорее к клирикам и монахам, чем к светским мастерам²⁸. Это могло происходить как с передачей прав на церковь, так и без нее. В подобной ситуации утверждения о том, что храм перестроен патроном-мирянином или монахами (канониками), будут одинаково справедливыми. Вообще в немногочисленных документах, касающихся строительства, бывают упомянуты несколько лиц – и духовных, и светских, так что определить только одного из них в качестве инициатора работ чрезвычайно трудно²⁹. Но если мы обращаемся к теме заказа, имея в виду, что его особенности каким-либо образом определили внешний вид церковного здания, то резоннее задаться таким вопросом: мог ли мирянин диктовать здесь свою волю и не сводилась ли она только к финансированию строительства?

Рассмотрим один пример из картулярия Сен-Жан д'Анжели. Это дарственная 1088 г. на церковь Сен-Пардульф, составленная от имени Гийома из Парталлана³⁰. Гийом передает церковь монастырю, оговаривая, что здание должно быть восстановлено³¹, вместе с необходимой для работ суммой денег³². Перестройка будет осуществлена монахами, но по воле и на средства мирянина. В хартии не сказано о каких-либо конкретных пожеланиях относительно облика церкви после перестройки, но молчание документа еще не говорит о том, что их не было. Во всяком случае, Гийом предстает по отношению к церкви заботливым хозяином, и факт дарения ничего в этом не меняет. Ранее Сен-Пардульф была подарена братом Гийома аббатству Клюни; будучи удаленной от монастыря, церковь пришла в упадок³³, и потому Гийом ее выкупает назад и передает Сен-Жан д'Анжели, клюнийскому аббатству, расположенному поблизости. Гийом явно оставляет за собой право распоряжаться судьбой церкви и в дальнейшем, поскольку оговаривает его в отношении своих наследников: после его смерти племянница Энордис сможет выкупить церковь за 300 солидов³⁴. То есть, несмотря на фактическую принадлежность церкви монастырю, она оставалась для Гийома "своей", и ее облик был для него важен, раз он просит монахов перестроить ее и восстановить наилучшим образом.

Еще один источник позволяет пролить свет на вопрос о том, как патрон-мирянин относился к возводимой по его воле церкви. Хроника монастыря Монтьернёф в Пуатье³⁵, основанного Гийомом VIII, герцогом Аквитании и графом Пуату, в конце XI в., повествует о постройке аббатства (прежде всего, его главного храма). Граф, которого хронист несколько раз называет *construtor*, сам выбрал место для нового монастыря. Согласно хронике, первый камень был заложен в 1076 г.; в том же году еще не существующий монастырь был передан Клюни³⁶. Церковь, возводимая графом, с самого начала не была его собственностью, однако он, несомненно, считал ее своей в ином

смысле. Монастырь, основанный Гийомом на склоне лет, являлся предметом его особой заботы (строительство было епитимьей, наложенной папой за женитьбу на близкой родственнице³⁷), а в 1086 г. граф был там похоронен. На тот момент храм оставался недостроенным; хронист перечисляет детали, которые, по его словам, Гийом “хотел сделать”, но не успел, в том числе две входные башни³⁸. Фасад аббатской церкви Монтъернёф не сохранился до настоящего времени; археологические данные позволяют заключить, что входные башни у него так и не появились и вместо них был осуществлен более простой и быстрый вариант: фасад-экран, один из первых в Аквитании³⁹. Таким образом, смерть графа привела к изменению первоначального плана постройки – значит, его роль в непосредственном контроле за работами была действительно важна. Кроме того, свидетельство хрониста, который работал в начале XII в. и, по всей видимости, застал время строительства церкви, тоже следует учесть; слово “constructor”, которое он постоянно использует вместо “fundator”, и скрупулезное перечисление деталей, на которых прервалось участие графа в создании храма, указывают на непосредственную причастность Гийома к процессу строительства.

Возможно, пример Монтъернёф нельзя считать показательным для всех случаев частного заказа, но все же он свидетельствует о том, что воля светского патрона могла воплощаться в желаниях более конкретных, чем просто решение о строительстве (или перестройке) храма. “Своя” церковь, особенно намеченная в качестве места последнего упокоения (и часто уже содержащая могилы членов семьи – таков случай Монтъернёф, где после Гийома VIII был похоронен его сын, знаменитый Гийом-трубадур, закончивший строительство, и другие члены графского рода), должна была являться зримым воплощением усердия мирянина в достижении вечной жизни. Такой храм мог осмысливаться заказчиком не просто как дар, но как произведение собственного благочестия – внешний вид в таком случае обретал большую значимость⁴⁰.

Рассмотрим теперь пример церкви, сохранившейся до наших дней и по праву считающейся одним из самых красивых храмов Аквитании – Сен-Пьер в Ольне (илл. 3). По количеству и характеру имеющихся о ней данных этот случай весьма характерен для Аквитании. До нас дошло всего шесть документов XI–XII вв., сообщающих что-либо о ее истории: две дарственные грамоты⁴¹, одна грамота с подтверждением ранее сделанного дара⁴², хартия епископа Пуаза⁴³ и две папские буллы⁴⁴.

Судя по ним, в XI в. права на церковь были разделены между несколькими частными владельцами, из которых нам известны виконт Константин⁴⁵ и несколько членов семьи, носивших родовое прозвище Рабиоль⁴⁶. Два дарения сделаны в пользу разных монастырей

Илл. 3. Сен-Пьер в Ольне

(в одном случае это Сен-Жан д'Анжели, в другом – Сен-Киприан). В начале XII в. церковь оказывается целиком во владении монастыря Сен-Киприан; с 1122 г. она принадлежит соборному капитулу Пуатье.

Как видим, церковь не раз передавалась из рук в руки (полностью или по частям) как светскими, так и церковными собственниками. Но если говорить о принципиальных изменениях, то таковым, конечно, был переход от частного владения к церковному, свершившийся постепенно, в несколько этапов, из которых нам известно лишь о немногих. Дальнейшие перемещения прав на церковь – между монастырями и капитулом – обусловлены, надо полагать, стремлением к удобству управления. Ситуация, когда церковь разделена между двумя монастырями, не очень удобна ни в экономическом, ни в административном отношении, поэтому тот факт, что вскоре она оказалась целиком в ведении одного монастыря, закономерен⁴⁷. Аббатство Сен-Киприан было расположено в двух шагах от собора Пуатье (чуть выше по течению реки Клэн, у самых стен тогдашнего города), и вся его история тесно сплетена с деятельностью капитула и с епископами Пуатье, многие из которых похоронены в его главном храме. Обмен землями и церквями между монастырем и капитулом носил характер соседских отношений (где, правда, не обходи-

лось и без конфликтов)⁴⁸. Переход церкви от Сен-Киприан к капитулу мог быть обусловлен политическими целями епископа, которому было важно держать под контролем одну из главных дорог, проходивших через его диоцез⁴⁹.

Каноников капитула обычно называют заказчиками храма⁵⁰. Но прямых данных о строительстве до нас не дошло. Эта версия, по сути, обусловлена тем, что на момент перестройки церковь находилась в собственности капитула – однако, как следует из вышеизложенных рассуждений, заказчик церкви не обязательно должен быть ее собственником. Храм перестроен через 30–40 лет после того, как стал принадлежать капитулу. Судя по тому, как факт приобретения этой церкви (и ряда других) оговорен в булле, она должна была принадлежать общине каноников, а доход от нее – поступать в коллективную пребенду⁵¹. В такой ситуации о ремонте церкви должен был заботиться, скорее всего, декан, глава общины. К сожалению, документы капитула, относящиеся к XI–XII вв., по большей части утрачены, и судить о том, как производилась реконструкция подчиненных собору церквей и какую роль в этом могли играть члены капитула, довольно трудно⁵². В нескольких известных нам случаях, когда епископ и члены капитула проявляли инициативу в перестройке храмов (исключая собор Пуатье), они действовали не столько как представители капитула, сколько как частные донаторы, лично заинтересованные в строительстве⁵³. Вообще церкви, находящиеся в собственности капитулов, нередко ранее принадлежали семьям отдельных каноников и были сопроводительным даром при вступлении в капитул нового члена⁵⁴. Получая пребенду с доходов такой церкви, каноник мало чем отличался от собственника, и его личная связь с церковью, вероятно, продолжала сохранять для него особое значение, несмотря на фактическую принадлежность ее капитулу⁵⁵. В случае Ольнэ трудно предполагать подобную связь – она оказалась в собственности капитула иным путем и доход от нее делился между всеми членами общины.

Однако кем бы ни являлся заказчик церкви в Ольнэ, он был явно заинтересован в наилучшем ее исполнении, а не просто в восстановлении: церковь была не отремонтирована и даже не перестроена (как делалось в большинстве случаев), а выстроена заново на прежнем месте⁵⁶.

Церковь Сен-Пьер находилась рядом с замком Ольнэ, резиденцией виконтов, и в семи километрах от Дампьер – замка Рабилоей, т.е. в непосредственной близости от одного из бывших владельцев и недалеко от других. От Пуатье, где располагался капитул, ее отделило 80 км. Вокруг церкви всегда существовало кладбище. Вероятно, оно появилось задолго до возведения существующего здания – на его территории было найдено несколько погребальных стел галло-рим-

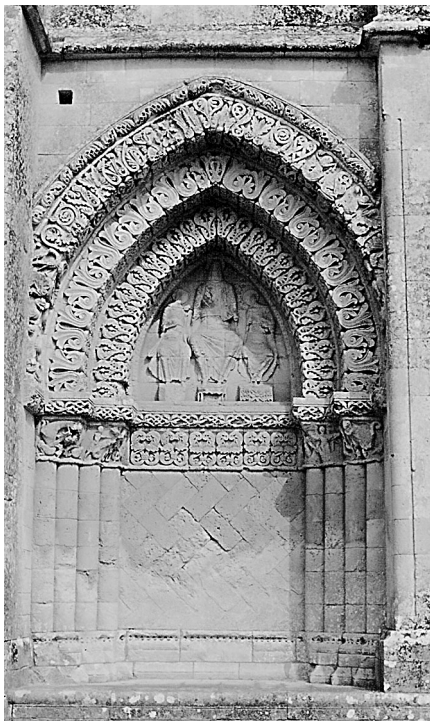
ского периода. Такое расположение кладбища вполне соответствует раннехристианской традиции, по которой покойников хоронили за пределами жилой территории. Не исключено, что первая церковь существовала уже в VII–VIII вв. В таком случае она могла изначально относиться не столько к поселению, сколько к его кладбищу, расположенному в стороне от жилья, и предназначаться для нужд не столько живых, сколько умерших его обитателей⁵⁷.

В самом здании церкви сохранились следы захоронений: в арочной нише фасада, слева от входа (илл. 4, 5) находится могильная плита; на одной из внешних стен, слева от южного портала, расположена еще одна полуциркулярная ниша, которая, вполне вероятно, тоже когда-то заключала в себе погребение (илл. 6). Обе ниши можно сравнить с погребением в стене церкви Сент-Илер в Пуатье (илл. 7), где кроме могильной плиты присутствует эпитафия начала XII в., сообщающая, что здесь захоронен некий Константин, “раздавший свои богатства”, – возможно, донатор церкви⁵⁸. Кто был погребен в Ольнэ, неизвестно, но, вероятно, это были миряне, так как лиц духовного сана, как правило, хоронили внутри храма.

Западный фасад храма некогда украшало изображение всадника, конь которого попирал копытом скорченную фигурку. Выполненное в технике высокого рельефа, оно располагалось в центральной арке второго яруса и было самым крупным элементом скульптурного декора. Скульптура была разрушена в годы революции, однако остался рисунок, сделанный в 1788 г. (илл. 8)⁵⁹; часть скульптуры (шея коня) сохранилась и находится внутри церкви. Утрата изображения всадника сильно изменила облик храма: по сути, фасад лишился главного смыслового и художественного элемента.

Одна из гипотез, упомянутых мною в начале статьи, говорит о том, что всадник мог представлять заказчика храма. Ее автор – Ю. Ле Ру⁶⁰. Принимая версию о святом Константине, он задался вопросом о том, почему образ римского императора оказался столь популярным на территории Аквитании и почему в других регионах такой традиции в искусстве храмового декора не возникло. Он отмечает одну закономерность: именно в Аквитании имя Константин (по данным картуляриев) в XI–XII вв. было широко распространено в среде местной аристократии, тогда как в других регионах Франции оно почти не встречалось. Опосредованная репрезентация через фигуру святого или иной персонаж – явление для романского искусства нередкое, и автор приводит несколько примеров, где о ней можно говорить. Почти везде, где была церковь с изображением такого всадника, среди местных сеньоров XI–XII вв. можно найти одного или нескольких персонажей с таким именем, которые потенциально могли выступить заказчиками церкви. Немаловажен и тот факт, что весьма похожие фигуры всадников часто изображались на печатях

Илл. 4. Сен-Пьер в Ольнэ.
Левая арка нижнего яруса фасада

Илл. 5. Сен-Пьер в Ольнэ.
Погребение в арке

*Илл. 6. Сен-Пьер
в Ольне.
Ниша в южной стене –
предполагаемое
погребение*

*Илл. 7. Сент-Илер
в Пуатзе. Погребение
в южной стене церкви*

Илл. 8. Всадник в Ольнэ. Рисунок XVIII в.

местных сеньоров, а в одном из рассмотренных случаев изображение на печати повторяет характерные черты церковного рельефа⁶¹.

Мне бы хотелось уточнить и дополнить эту гипотезу – прежде всего в отношении скульптуры из Ольнэ. Говоря об Ольнэ, Ле Ру упоминает одного Константина – виконта, передавшего монастырю Сен-Жан д’Анжели земли, которые прилежали к церкви (ок. 1038 г.)⁶². Существовал, как минимум, еще один персонаж из тех, кто мог иметь отношение к церкви – Константин Рабиоль (называемый в некоторых документах Константин Мэнго) – сын Мэнго Рабиоля и младший брат Гуго, фигурирующих в двух дарственных на церковь⁶³. Он упоминается в нескольких документах начала XII в.⁶⁴, что

значительно ближе ко времени перестройки храма. Однако, строго говоря, если церковь была перестроена скорее во второй половине века (а это представляется более вероятным), вряд ли заказчиком был кто-то из них. Тем не менее имя “Константин” присутствует в обеих семьях, связанных с историей церкви, его вполне могли носить и их потомки.

Ближайший пример другой церкви с фигурой всадника – Сент-Илер в Мелле (28 км от Ольнэ). Скульптура была утрачена (существующая ныне – реконструкция XIX в.). Церкви Мелля и Ольнэ очень близки по конструкции и характеру декора; фигуры же всадников, по свидетельству очевидцев XVIII в., были похожи друг на друга, “как два брата”⁶⁵. Заслуживает внимания тот факт, что сеньоры Ольнэ и Мелля состояли в родстве и изначально резиденцией местных виконтов был Мелль⁶⁶. Местные жители разных эпох называли этого всадника “Константином”, и в литературе его не раз отождествляли с местным сеньором – Константином Мелльским⁶⁷. Фигура всадника расположена таким же образом, что и в Ольнэ: в полуциркульной нише, строго над входом (илл. 9) (во многих других случаях она помещалась в одной из боковых арок). Но фасад, в который вписана скульптура, здесь не главный, а боковой (северный).

Конечно, ни в одном, ни в другом случае прямых указаний на связь местных сеньоров с фигурой всадника у нас нет. Но сходство скульптур, как и самих церквей, говорит в пользу этой версии, если считать, что заказчик тем или иным образом определял внешний вид храма: церковь Сент-Илер не имела ничего общего с капитулом Пуатье, в XII в. она принадлежала сентонжскому аббатству Сен-Жан д’Анжели и была его приоратом.

Кроме того, само по себе изображение всадника (вкуче с традицией, именующей его святым Константином) вызывает некоторые вопросы, при иных версиях трудно разрешимые. Почти всегда фигура всадника – самое большое изображение в храмовом декоре, самое заметное и, следовательно, главное. Почему же в возможной иерархии христианских персонажей на первый план выходит именно святой Константин, а не тот святой, которому посвящен храм (а также не Христос и не Богородица)? Ни одна из аквитанских церквей не освящена в честь св. Константина, и вряд ли это было возможно, поскольку как святой он довольно неординарен. Константин – светский правитель, принявший христианство только на смертном одре и “победивший язычество” не проповедью христианского учения, а авторитетом данной ему власти. Система социального устройства Аквитании (и принципы взаимоотношения светской власти и церкви) дольше, чем в других регионах, сохраняла верность каролингской модели⁶⁸. Фигура благочестивого правителя, не только защитника христианского мира, но и носителя самой идеи христианства, была

Илл. 9. Сент-Илер в Мелле. Северный фасад.
Изображение всадника – реконструкция XIX в.

актуальным образом – именно так хронисты описывали герцогов Аквитании и их приближенных⁶⁹. Святой Константин являлся образцом праведности для сильных мира сего (не исключено, что широкое распространение имени “Константин” в кругах аквитанской аристократии было связано с этим). С началом крестоносного движения образ Константина, попирающего язычество, должен был обрести новую актуальность, опять-таки в отношении светской аристократии: аквитанские рыцари активно участвовали в крестовых походах⁷⁰. Отправился в поход и, по меньшей мере, один из виконтов Ольнэ – Каделон V, приняв участие в первой кампании⁷¹.

Светский сеньор-христианин, покровитель и защитник церкви, был наиболее адекватной фигурой из социальной действительности, сопоставимой со святым Константином. Если популярность этого святого – мирянина, правителя, военачальника, довольно далекого от традиционных канонов христианской святости и снискавшего ее, по сути, политическим решением – была так очевидна, то кто-то должен был осознавать этого святого наиболее действенным посредником между собой и Богом. Местный сеньор, возможный заказчик церкви, представляется самым вероятным персонажем из тех, кто мог ощущать свою близость к святому Константину.

Как уже говорилось, в церкви Сен-Пьер остались следы погребений, принадлежавших, по всей видимости, мирянам. Если кладбище в этом месте существовало изначально, с момента появления церкви, а может быть, и до него, то храм можно назвать одним из элементов довольно обширного погребального комплекса. Исследователями аквитанской архитектуры не раз отмечалось сходство здания (как и целого ряда других подобных церквей в Пуату и Сентонже) с формой реликвария или саркофага. Если основная функция церкви была в том, чтобы служить центром некрополя и собственно усыпальницей, то можно предположить, что главное изображение на ней являлось в той или иной мере опосредованной репрезентацией человека, в ней похороненного. Известно, что уже упоминавшаяся церковь Сент-Илер служила некрополем для местных аристократов-донаторов: об этом говорит одна из записей в картулярии, где донатор в качестве неперемного условия выдвигает свое желание упокоиться в ней после смерти⁷². То же, по всей видимости, относилось и ко множеству других небольших церквей, рассыпанных по территории Аквитании, – расположенные в некотором удалении от жилья, с кладбищем вокруг, они довольно часто (хотя и не всегда) имели в своем декоре фигуру всадника, доминирующую над другими изображениями. В другой дарственной, составленной в пользу монастыря Нотр-Дам в Сэнт, оговаривается не только желаемое захоронение в церкви, но и расположение могилы непосредственно под статуей святого Константина⁷³.

Не проводя прямых аналогий, я считаю тем не менее нелишним вспомнить о том, что мотив всадника в западном искусстве – как до, так и после Средневековья – неоднократно использовался в погребальной скульптуре и является наиболее распространенной формой *памятника*. Самые известные тому примеры – римские и галло-римские погребальные стелы и итальянские статуи кондотьеров. Иконография тех и других иногда удивительно напоминает некоторые изображения “аквитанских всадников”⁷⁴.

То, что мотив всадника прослеживается со стабильным постоянством в погребальном искусстве, думается, заслуживает внимания.

Фигуру всадника в Ольнэ, на мой взгляд, следует рассматривать не просто как портрет заказчика (или его более отстраненную репрезентацию через “своего” святого), но как своеобразный памятник над местом его захоронения.

На рисунке 1788 г. – главном источнике, позволяющем теперь составить представление о разрушенной скульптуре, – всадник одет в светское платье и, по всей видимости, не вооружен (если это не результат утрат, имевшихся на момент создания рисунка). Композиция довольно статична, противоборство между персонажами отсутствует: в их позах нет встречного движения, взгляды обращены в одну сторону. Спокойствие и даже некоторая отрешенность, сквозящие в посадке и жестах всадника (насколько можно

судить по рисунку), представляют скорее образ странствующего рыцаря, чем воина⁷⁵. В этом отношении его можно было бы сравнить со знаменитой статуей из собора в Бамберге (появившейся, по меньшей мере, столетие спустя)⁷⁶ (илл. 10).

Находясь в центральной арочной нише второго яруса, фигура всадника как бы увенчивала собой весь фасад. Очевидно, она была единственным скульптурным элементом, хорошо различимым на большом расстоянии – не только для того, кто направлялся в церковь, но и для тех, кто проходил мимо нее по дороге. Если смысл христианских посмертных изображений, памятников, эпитафий состоял прежде всего в том, чтобы обратить на себя внимание как можно большего числа живущих, заставляя их помолиться за душу усопшего, то, надо признать, всадник Ольнэ был выполнен и вписан в композицию фасада так, что отвечал этой логике наилучшим образом⁷⁷.

Конечно, отсутствие более точной информации мешает утверждать что-либо с уверенностью; однако, учитывая сказанное выше, заинтересованное участие кого-то из бывших владельцев церкви

Илл. 10. Собор в Бамберге.
Статуя всадника

(из рода виконтов Ольнэ или Рабиолей) в перестройке храма кажется весьма вероятным.

В заключение мне хотелось бы высказать несколько общих соображений.

Во-первых, версия об участии светских патронов в перестройке аквитанских церквей XII в., повлиявшем на складывание в этом регионе особой иконографии скульптурного декора, представляется, по меньшей мере, небезосновательной. Рассмотренную ситуацию (Сен-Пьер в Ольнэ) нельзя считать образцовой в отношении всех памятников региона, однако вряд ли она была уникальной. И если художественная традиция формировалась в условиях мотивированного влияния со стороны светских патронов, то, сложившись, она уже сама могла диктовать устоявшиеся принципы декорирования.

Во-вторых, вопрос о светском или церковном заказе на постройку храма в XI–XII вв. представляет особую сложность из-за того, что в это время происходит значительная трансформация отношений церкви и светской аристократии (экспансия Ключи, грегорианская реформа, волна дарений монастырям, стимулируемая крестоносным движением и т.д.). Церковные институты обретают все большую властную и имущественную самостоятельность, однако закрепиться эта ситуация сможет лишь тогда, когда память о былых владениях окончательно сгладится в сознании мирян. В создании любого храма почти всегда участвовали как церковники, так и миряне. И если для XIII–XIV вв. определяющая роль церковного заказчика в решении о конечном облике храма практически не вызывает сомнений⁷⁸, то в отношении церквей, созданных двумя столетиями ранее, этот вопрос куда более проблематичен (особенно если речь идет о провинциальных храмах) и имеющиеся сведения часто не дают возможности ответить на него однозначно. Эту сложность в отношении памятников XI–XII вв. следует принимать во внимание.

И, наконец, хотелось бы отметить, что разговор о заказчиках храмов и самой ситуации заказа ведется, как правило, в рамках искусствоведческих исследований, где сам этот вопрос является маргинальным. Между тем изучение социального, правового, культурного аспектов этой ситуации представляется крайне важным для более глубокого понимания как самого средневекового общества, так и создаваемых им произведений искусства.

¹ Это сходство не раз отмечалось исследователями. См., например: *Crozet R. Art roman en Poitou*. P., 1948. P. 168; *Rupprecht B. Romanische skulptur in Frankreich*. Munich, 1975. P. 52.

² Вопрос о том, всегда ли подобное изображение всадника следует отождествлять со святым Константином, остается открытым. Однако в ряде случаев об

этом можно говорить с уверенностью, поскольку такое именование запечатлено в средневековых документах (см., например, цитату в примеч. 73). Кроме того, надпись “Constantinus” сопровождает похожее изображение всадника на фреске XII в. в баптистерии Сен-Жан в Пуатье. Имя Константина в отношении многих из этих всадников сохранила устная традиция, зафиксированная в XVIII–XIX вв. Подробнее о статуях всадников и их трактовке см.: *Leclercq H. Cavaliers au portail des églises // Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie / Ed. F. Cabrol. 15 vols. P., 1907–1953. Vol. 2. Col. 2690–2700; Crozet R. Nouvelles remarques sur les cavaliers sculptés ou peints dans les églises romanes // Cahiers de civilisation médiévale. Poitiers, 1958. N 1. P. 27–39; Daras Ch. Réflexions sur les statues équestres représentant Constantin en Aquitaine // Bulletin de la société des antiquaires de l'Ouest et des musées de Poitiers. Poitiers, 1969. Sér. IV; Le Roux H. Figures équestres et personnages du nom Constantin au XI et XII siècles // Ibid. Poitiers, 1974. Sér. IV. P. 379–394; Seidel L. Holy Warriors: the Romanesque Rider and the Fight against Islam // The Holy War / Ed. Thomas Patrick Murphy. Columbus, 1976. P. 33–54; Eadem. Constantine and Charlemagne // Gesta: Essays in Honor of Sumner McKnight Crosby. N.Y., 1976. Vol. 15, N 1–2. P. 237–239; Eadem. Early Medieval Images of the Horseman Re-viewed // The Study of Chivalry. Resources and approaches. Calamasoo, 1989. P. 373–400.*

³ Эту версию высказывал Эмиль Маль, связав появление мотива с паломническими путешествиями в Рим, где находилась статуя Марка Аврелия, считавшаяся тогда изображением императора Константина, и откуда этот образ якобы перекочевал на церкву Аквитании (*Mâle E. L'art religieux du XIIe siècle en France. Etude sur les origines de l'iconographie du Moyen Age. P., 1922. P. 245–251*).

⁴ *Le Roux H. Op. cit. P. 380*.

⁵ Таковую трактовку Линда Сейдел предлагает в отношении всадника из Партенэле-Вьё (*Seidel L. Songs of glory: The Romanesque Façades of Aquitaine. Chicago; L. 1981. P. 59–66*).

⁶ См. об этом: *Crozet R. Les établissements clunisiens en Saintonge // Annales du Midi. Toulouse, 1963. T. 75, N 64. P. 575–581*.

⁷ *Le Roux H. Op. cit. P. 379–394*.

⁸ *Seidel L. Songs of glory*.

⁹ *Ibid. P. 15*.

¹⁰ *Tcherikover A. High Romanesque Sculpture in the Duchy of Aquitaine, c. 1090–1140. Oxford, 1997. P. 7–10*.

¹¹ *Thomas P. Le droit de propriété des laïques sur les églises et le patronage laïque au Moyen Age. P., 1906. P. 15*.

¹² Постановления соборов в Оранже (441 г.) и в Арле (443, 452 гг.) (см.: *Thomas P. Le droit de propriété des laïques... P. 12–13*).

¹³ Необходимость “приданого” оговорена, в частности, в постановлениях III собора в Толедо, 589 г. (см.: *Ibid. P. 56–57*).

¹⁴ См., например, II канон IX собора в Толедо (655 г.): *Magnou-Nortier E. La société laïque et l'église dans la province ecclésiastique de Narbonne de la fin du VIIIe à la fin du XIe siècle. Toulouse, 1974. P. 426*.

¹⁵ Франкфуртский капитулярый (794 г.) оговаривал права собственников на продажу, дарение, завещание церквей; ограничение прав частных владельцев папой Евгением II на синоде в Риме (826 г.) задним числом признавало эти права (и их законность) за светскими сеньорами (см.: *Thomas P. Op. cit. P. 24, 54*).

¹⁶ II канон IX собора в Толедо (655 г.): “Quia ergo fieri plerumque cognoscitur ut ecclesiae parrochiales vel sacra monasteria ita quorundam episcoporum vel insolentia

vel incuria orrendam decidant in ruinam” (Цит. по: *Magnou-Nortier E.* Op. cit. P. 426).

- ¹⁷ См. об этом и критику необоснованно широкой трактовки понятия “частная церковь”: *Ibid.* P. 354–356.
- ¹⁸ Земля, прилежащая к храму св. Марциала, в одной из дарственных называется “территорией св. Марциала”: “In nomine sanctae et individuae Trinitatis, ego, Isdrael, do et concedo sancto Joanni Baptistae territorium Santi Martialis” (*Cartulaire de l’Abbaye de Saint-Cyprien de Poitiers // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1874. Т. III. P. 89*). Эта позиция в XI в. обосновывалась церковными авторами: так, в сочинении Плацида из Нонантолы говорится о принадлежности освященных объектов, в том числе здания храма, Бору: “Quod semel Ecclesiae datum est in perpetuum Christi est, nec aliquo modo alienari a possessione Ecclesiae potest in tantum, ut etiam idem ipse fabricator Ecclesiae, postquam eam Deo voverit et consecrari fecerit, in ea deinceps nullum jus habere possit. Non enim per eum ordinari non investiri ulterius potest. Testantur haec non solum novi sed etiam veteris instrumenti sacratissimae scripturae” (*Placidus Nonantulanus. Liber de honore ecclesiae. Cap. VII. Цит. по: Thomas P.* Op. cit. P. 47).
- ¹⁹ Так, в дарственных на церковь Сен-Пьер в Ольнэ говорится о праве на доход с пожертвований свечей и погребальных сборов (см. примеч. 41 и 42).
- ²⁰ *Гуревич А.Я.* Начало феодализма в Европе // *Гуревич А.Я. Избранные труды.* М., 1999. Т. 1. С. 205–227.
- ²¹ Там же. С. 212–213.
- ²² См. замечание Г. Фурнье о традиции захоронения человека в его наследной земле, которая еще существовала в Оверни XI в., будучи постепенно вытесняемой обычаем захоронения в освященном месте, т.е. в монастырской или церковной земле или в самой церкви (См.: *Fournier G. Rural Churches and Rural Communities in Early Medieval Auvergne // Lordship and community in Medieval Europe. Huntington; N.Y., 1975. P. 324*).
- ²³ *Гуревич А.Я.* Указ. соч. С. 229.
- ²⁴ Об этом свидетельствуют надписи на фасадах церквей от имени заказчиков, смысл которых (особенно в раннем Средневековье) обычно заключался в дарении церкви святому (см. об этом: *Favreau R. Les commanditaires dans les inscriptions du haute Moyen Age occidental // Settimane di studio del Centro Italiano di Studi sull’arto Medioevo. Commitenti e produzione artistico-letteraria nell’alto medioevo occidentale: 4–10 aprile 1991. Spoleto, 1992. P. 681–727*), а также многочисленные портреты заказчиков, где они изображаются преподносящими церковь святому.
- ²⁵ Здесь снова можно вспомнить изображения заказчиков с моделью храма, передаваемой святому. Церемония освящения храма, по сути, заключалась именно в акте такой передачи, т.е. символического соединения алтаря – воплощения присутствия святого, чьи мощи и реликвии в нем хранились, – со зданием церкви в единое целое, в “присвоении” его святым (о ритуале освящения церкви см.: *Palazzo E. Liturgie et société au Moyen Age. P., 2000. P. 71–75*).
- ²⁶ В книге Б. Розенвайна подробно рассматриваются случаи оспаривания и захвата подаренной монастырю Сен-Пьер в Клуни собственности (как земель, так и церквей) и последующего отказа от претензий как возобновление отношений со святым Петром – подобно тому как поддерживались отношения с соседями (*Rosenwein B. To be the Neighbor of Saint Peter: the Social Meaning of Cluny’s Property, 909–1049. Ithaca; L., 1989*).

- 27 Стремление удержать церковь в двух ипостасях – дара и собственности – особенно явно проступает в дарственных, где оговорено, что переход прав к монастырю должен произойти после смерти дарителя. Такие дарения очень часто оспаривались потомками.
- 28 Например, Эмери IV, виконт Туара, задумав построить замок и церковь при нем, строительство замка поручил светскому мастеру Ингельберту, церкви – канонику Иоанну: “Aimericus vicescomes, incoans aedificare castrum Casae, ecclesiam ejusdem loci construendam omnesque res ad eam pertinentes cuidam Johanni clerico commendavit”; “...Johannes canonicus, qui praelibatam sancti Johannis ecclesiam ab ipsis fundamentis construxerat...”; “...Is qui saepefactum castrum, ipso vicesomite jubente, Ingelbertus nomine, aedificaverat...” (Textes et documents relatifs à l’histoire des arts en Poitou / Ed. R. Crozet // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1942. Т. LIII. P. 26).
- 29 Так, идея строительства приората Бельну принадлежала виконту Туара Гофреду и его жене Аденор, выделивших для этого, по-видимому, необходимые средства; они обратились к аббату монастыря Сен-Мишель-ан-ль’Эрм, который назначил из своих монахов мастера для руководства работами: “Pius vicescomes Toarcensis Gaufrerus uxorque ejus Adenor <...> interpellaverunt domnum abbatem Aszlonem Sancti Michaelis de edificando monasterio in loco qui vulgo nuncupator Bellanoa; <...> ad quod opus disponendum [Azlo] misit ibi unum ex suis monachum valde industrium nomine Savaricum qui persistens operi, de facultate sancti Michaelis et de his rebus, quas ipse uxorque ejus tribuit, ad finem usque perduxit” (Ibid. P. 22). Кого в данном случае следует назвать заказчиком – виконтом с супругой или аббата, не совсем понятно.
- 30 Cartulaire de l’abbaye Saint-Jean d’Angely (I) // Archives historiques de la Saintonge et de l’Aunis. P., 1901. Vol. 30. P. 83–85.
- 31 “...tali quippe tenore eis data fuerat ut ipsam ecclesiam reedificarent et in melius restaurarent...”
- 32 “...dono etiam quatuor libras ad boves emendos et centum solidos ad caput ecclesiae faciendum...”
- 33 “...sed quia locus illus pauper erat nimis et tenuis et ab illis longe remotus nihil ibi faciebant...”
- 34 “...verum in morte mea <...> neptis mea Aenordis <...> redimiat illud trecentis solidis...”
- 35 Recueil des documents relatifs à l’Abbaye de Montierneuf de Poitiers (1076–1319) // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1973. Vol. 59. P. 424–425.
- 36 Сохранилась хартия о передаче монастыря аббатству Клуни (Ibid. P. 3–5).
- 37 *Verdon J.* La chronique de Saint-Maixent et l’histoire du Poitou au IXe–XIIe siècles // Bulletin de la société des Antiquaires de l’Ouest et des musées de Poitiers. Poitiers, 1976. Sér. IV P. 462.
- 38 “Monasterium tamen, ex aliqua parte remansit imperfectum, quantum ad hoc quod ipse facere disposuerat. Nam turres duas ad signa dependenda, in fronte ecclesiae facere voluerat; terciam vero jam super chorum inceperat. Murus per circuitum officinarum imperfectus mansit, quem etiam turribus munire disposuerat, sicuti ipse incepte demonstrant. Hec de officinis” (Recueil des documents relatifs à l’Abbaye de Montierneuf de Poitiers... P. 434).
- 39 *Camus M-Th.* De la façade à tour(s) à la façade-écran dans les pays de l’Ouest. L’exemple de Saint-Jean de Montierneuf de Poitiers // Cahiers de civilisation médiévale. Poitiers, 1991. An. 34, N 3–4. P. 247.
- 40 Р. Фавро отмечает, что с IX–XI вв. содержание надписей от имени заказчиков несколько меняется: если ранее главный акцент делался на факте дарения, то

теперь он смещается в пользу созидательной активности заказчика, представляющего храм (алтарь, реликварий и т.п.) как собственное произведение (*Favreau R. Op. cit.*).

- 41 Хартия виконта Константина о передаче монастырю Сен-Жан д'Анжели двух участков земли, один из которых прилежит к "церкви у башни" (одно из определений Сен-Пьер в Ольнэ) (ок. 1038 г.): "... ego, in Dei nomine, Constantinus vicescomes (...) dimitto duos massos de terra in vicaria castro Auniaco, unum ad ecclesia de Turrem (...) ad monasterium Sancti Joannis Baptistae Ingeriacensis" (*Cartulaire de l'abbaye St.-Jean d'Angely (I)... P. 92–93*); хартия Рамнульфа Рабиоля, его брата Мэнго и их матери Рэнгардис о передаче монастырю Сен-Киприан в Пуатье прав на две части пожертвований свечей и погребальные сборы в церкви святого Петра в Онэ (старое название Ольнэ) (ок. 1045 г.): "Ramnulfus cognomento Rabiolus et frater suus Maingodus materque ipsorum Raingardis concesserunt monachis Sancti Cipriani (...) in ecclesia Sancti Petri de Oenia, id est de Turre, duas partes sepulture et candelarum" (*Cartulaire de l'Abbaye de Saint-Cyprien de Poitiers... P. 291*).
- 42 Хартия Гуго Рабиоля, сына Мэнго, подтверждающая дары монастырю членов семейства, сделанные ранее, в том числе часть прав на церковь "святого Петра у башни" (ок. 1095 г.): "Ugo Rabiolus concessit monachis Sancti Cipriani omnia quiecumque illis primitus concesserant pater suus et avunculus et mater sua (...) ecclesiam quoque Sancti Petri de Turre, duas partes sepulture et candelarum" (*Ibid. P. 295*).
- 43 Хартия епископа Петра, подтверждающая владения монастыря Сен-Киприан; среди церквей, принадлежащих монастырю, названа и "церковь в Онэ" (ок. 1100 г.): "P[etrus] gratia Dei Pictavorum episcopus, dilecto filio suo R[ainaldo] et successoribus ejus in perpetuum. (...) Presentium igitur apicum auctoritate et confirmatione concedimus et corroboramus tibi tuosque monasterio (...) ecclesiam de Oniaco" (*Ibid. P. 11–12*).
- 44 Буллы папы Каликста II, первая – подтверждающая владения монастыря Сен-Киприан в Пуатье, среди которых церковь "святого Петра в Онэ" (1119 г.): "...dilecte in Christo fili Petre abbas (...) ut Beati Cypriani monasterium, cui, Deo auctore, persides (...) apostolice sedis privilegio munieremus. (...) In quibus haec propriis duximus nominibus annotanda: (...) [ecclesiam] Sancti Petri de Oenaio" (*Bullaire du pape Calixte II, 1119–1124. P., 1891. T. 1. P. 78–79*); вторая – подтверждающая приобретение ряда церквей (в том числе церкви "святого Петра у башни, поблизости от крепости Онэ") епископом Гийомом для соборного капитула Пуатье (1122 г.): "Venerabilis quidem frater noster, Guillelmus, Pictavensis episcopus (...) capitulo vestro ecclesias paterne benignitatis affectu contulerit (...), Sancti Petri de Turris juxta castrum Onaii" (*Ibid. T. 2. P. 40–41*).
- 45 Возможно, Константин был виконтом Ольнэ. Названная выше грамота является единственным документом, где упоминается виконт Константин, поэтому насчет того, был ли он действительно виконтом Ольнэ, имеются некоторые сомнения (см.: *Estermann D.B. St. Pierre of Aulnay. History. Brooklyn, 1974. Notes. P. 1*). У ушедшего в монастырь в 1026 г. (и, вероятно, вскоре скончавшегося) виконта Каделона был брат Константин и сын Гийом, известный в дальнейшем как виконт. Однако не исключено, что Каделону мог наследовать младший брат (недолго после этого проживший) – такая схема существовала в других линиях Аквитании (см. *Duguet J. La question de la succession dans la famille de Thouars aux XIe et XIIe siècles // Bulletin de la Société Historique et Scientifique des Deux-Sèvres. 1994. Sér. III. T. II. P. 11–20*).

- ⁴⁶ По картуляриям Сен-Жан д’Анжели и Сен-Киприан можно проследить, по меньшей мере, три поколения Рабиолей, живших в XI – начале XII в. Судя по количеству дарственных, они обладали обширными владениями. Множество документов засвидетельствовано Рабиолями вместе с виконтами Ольнэ; они нередко были свидетелями друг у друга и однажды действовали вместе в тяжбе против монастыря Сен-Жан д’Анжели (*Cartulaire de l’abbaye St-Jean d’Angely* (I)... P. 168). Не исключено, что они состояли в родстве с виконтами (см.: *Estermann D.B.* Op. cit. P. 3–4; Notes. P. 3–4).
- ⁴⁷ Стремление монастырей разрешить такие ситуации разделенного владения можно проследить по картуляриям, где присутствуют как случаи мирного размежевания владений, так и возникшие на этой почве конфликты (см. приведенные А. Чериковер примеры разрешения таких вопросов между аквитанскими аббатствами и коллегиями каноников: *Tcherikover A.* Op. cit. P. 9).
- ⁴⁸ См. ряд документов о распре между аббатством Сен-Киприан и капитулом Пуатье из-за нескольких церквей (*Cartulaire de l’abbaye de Saint-Cyprien de Poitiers*... P. 8–11).
- ⁴⁹ Эту версию высказывает Д. Эстерман (*Estermann D.B.* Op. cit).
- ⁵⁰ *Crozet R.* Art roman...; *Chagnolleau J.* L’église d’Aulnay de Saintonge. Grenoble, 1938. P. 17–18; *Werner F.* Aulnay de Saintonge und die romanische Skulptur in Westfrankreich. Worms, 1979; *Tcherikover A.* Op. cit. P. 52–53.
- ⁵¹ “...ut deinceps illius officii dignitas cum omnibus redditibus seu beneficiis suis in comunem prebendarum vestrarum usum et utilitatem capituli redigantur” (*Bullaire du pape Calixte II*... Т. 2. P. 40).
- ⁵² В картулярии, известном под названием “Grand Gautier”, самый старый документ относится к 1187 г. (*Cartulaire de l’évêché de Poitiers // Archives historiques du Poitou.* Poitiers, 1881. Т. X.).
- ⁵³ Так обстояло дело с церковью Нотр-Дам в Шовиньи, построенной епископом Исембертом на свои средства и подаренной монастырю Сен-Киприан (см.: *Duguet J.* Chauvigny au XIe siècle // *Le Pays Chauvinois.* 1981. Т. III, N 20. P. 59–61), и с церковью аббатства Моро, донаторами которой были два епископа Пуатье – Гийом Аделельм и Гримоард, а также архидиакон капитула Арнальд, о чем свидетельствуют сохранившиеся посвятельные надписи и портреты епископов (см.: *Galliard G.* Deux sculptures de l’abbaye des Moreaux à Oberin, Ohio // *Gazette des Beaux-Arts.* 1954. An. 44. P. 81–90).
- ⁵⁴ См, например, хартии из картулярия капитула Оша: *Cartulaires du chapitre de l’église métropolitaine Sainte-Marie d’Auch // Archives historiques de la Gascogne.* P., 1899. Sér. II. Fasc. 3–4. P. 8–10, 12–13.
- ⁵⁵ См. об этом: *Wood S.* The Proprietary Church in the Medieval West. Oxford, 2006. P. 688.
- ⁵⁶ *Chagnolleau J.* Op. cit. P. 106.
- ⁵⁷ Это соображение высказывает Р. Крозе в одной из работ, посвященных Ольнэ: *Crozet R.* L’église d’Aulnay et la route de Saint-Jaques. Poitiers, 1963. P. 310.
- ⁵⁸ “SORS HOMINVM TITVBAT SICVT VAGA FLVMINIS VNDA; NAM MODO QVOD VALIDVM MOX LIQVET OCCIDVVM; CENSV DIVES HOMO PAVPER NON FIDVS ADESTO; NAM TELLVRIS OPES AVFERET VNA DIES; VT CONSTANTINO TVMVLO QVI CLAVDITVR ISTO; DIVES HONORE FVIT ET SVA DISTRIBVIT; INFIRMIS NVDIS CECIS VIDVIS ET EGENIS OMNIBUS ET STVDVIT OMNIA SE FIERI” (Цит. по: *Corpus des inscriptions de la France médiévale.* Poitiers, 1974. Т. 1. P. 73).
- ⁵⁹ *Bibliothèque municipale de Poitiers.* Ms. 547. F. 5.

- ⁶⁰ *Le Roux H.* Op. cit. P. 379–394.
- ⁶¹ Речь идет о сеньорах Партенэ и рельефах на церквях Сен-Пьер в Партенэ-ле-Вьё и Нотр-Дам в Партенэ (Ibid. P. 391).
- ⁶² Ibid. P. 390.
- ⁶³ См. примеч. 41 и 42.
- ⁶⁴ Cartulaire de l'abbaye Saint-Jean d'Angely (II) // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis. P., 1903. Т. 33. P. 139–140; Chartes poitevins de l'abbaye de Saint-Florent près Saumur // Archives historiques de Poitou. Poitiers, 1873. Т. II. P. 131.
- ⁶⁵ *Tonnellier P.* Aulnay de Saintonge. Saintes, 1977. P. 26.
- ⁶⁶ *Coste-Messelière R. de la.* Note pour servir à l'histoire de Melle // Bulletin de la société des antiquaires de l'Ouest et des musées de Poitiers. Poitiers, 1957. P. 269–315.
- ⁶⁷ *Le Roux H.* Op. cit. P. 388–389. В картуляриях Сен-Жан д'Анжели, Сен-Жан де Монтъернёф, Сен-Киприан “Константином Мелльским” называются как минимум два персонажа, фигурирующие один в начале, другой в конце XI в. При характерной для того времени стабильности в выборе родовых имен весьма вероятно, что это имя носили и их потомки.
- ⁶⁸ См., например: *Brisset F.* Guillaume le Grand et l'église // Bulletin de la Société des antiquaires de l'Ouest et des musées de Poitiers. Poitiers, 1972. Sér. IV. P. 441–460; *Treffort C.* Le comte de Poitiers, duc d'Aquitaine, et l'Eglise aux alentours de l'an mil (970–1030) // Cahiers de civilisation médiévale. Poitiers, 2000. An. 43. P. 395–445.
- ⁶⁹ См., например, описание короля Аквитании Людовика Благочестивого и Гийома V, герцога Аквитании, в хронике Адемара Шабаннского (XI в.): *Adémar de Chabannes.* Chronique // L'an mille. Oeuvres de Liutprand, Raoul Glaber, Adémar de Chabannes, Adalberon, Helgaud. P., 1947. P. 153, 181; характеристику Гийома VIII, основателя монастыря Монтъернёф, и его предков в хронике Монтъернёф (XII в.): Recueil des documents relatifs à l'Abbaye de Montierneuf de Poitiers... P. 425–429).
- ⁷⁰ *Seidel L.* Songs of glory... P. 71; *Eadem.* Holy Warriors...
- ⁷¹ *Werner F.* Aulnay de Saintonge und die romanische Skulptur in Westfrankreich. Worms, 1979. P. 2.
- ⁷² Cartulaire de l'abbaye Saint-Jean d'Angely (I)... P. 286–287.
- ⁷³ “Conventionis hujus est intersignum, quod peccit, ut sub Constantino de Roma, qui locus est ad dexteram partem ecclesiae, tumularetur” (Cartulaire de l'abbaye royale de Notre-Dame de Saintes, de l'ordre de St-Benoit // Cartulaires inédits de la Saintonge. Niort, 1871. Т. II. P. 43–44). Указанное место должно означать одну из боковых ниш в нижнем арочном ярусе фасада, так как фигура всадника – св. Константина, на настоящий момент утраченная, по всей видимости, находилась в правой нише верхнего яруса. Так же расположено одно из погребений в Ольнэ.
- ⁷⁴ См. рассуждения Линды Сейдел о мотиве всадника в разных культурах как символической репрезентации загробного путешествия души (*Seidel L.* Songs of glory... P. 57–58); ранее эта мысль высказывалась Э. Канторовичем: *Kantorowicz E.* The “King's Advent” and the enigmatic panels on the doors of Santa Sabina // *Kantorowicz E.* Selected Studies. N.Y., 1965.
- ⁷⁵ Спокойная поза и отсутствие оружия – черта, присущая многим “аквитанским всадникам”, в отличие от подобного мотива в Испании: там всадник чаще всего вооружен и его противоборство с поверженной фигурой выражено гораз-

до динамичнее, напоминая иконографию архангела Михаила и святых-змееборцев.

⁷⁶ О каких-либо прямых влияниях здесь говорить не приходится, однако эта схожесть может иметь более общее основание: по одной из версий, статуя Бамбергского всадника (1237 г.) изображает короля Конрада III, похороненного в соборе.

⁷⁷ Стоит отметить, что в случае Сент-Илер в Мелле дорога проходила вдоль северной стены здания, и именно северный боковой фасад оказался украшенным фигурой всадника.

⁷⁸ Об архитектурном заказе в этот период, гораздо лучше документированный, см. сборник статей: *L'artiste et le commanditaire aux derniers siècles du Moyen Age (XIII–XIV siècles)* / Sous dir. de Fabien Joubert. P., 2001.